"Сергей Аксу - Волкодавы"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Сергей Аксу

Волкодавы

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес

* * *

– Вы с Караем зайдите с той стороны, а мы пока тряхнем эти хаты! – капитан Дудаков кивнул на крайние дома и стоящую на отшибе школу. Группа «собровцев» под командованием старшего лейтенанта Тимохина, усиленная пятью «срочниками», свернула в узкий проулок. Впереди бойцов, обнюхивая и неустанно метя заборы и кусты, бежал и помахивал пушистым хвостом неутомимый кобель Карай. Иногда он подолгу задерживался, привлеченный каким-нибудь запахом. И Витальке Приданцеву приходилось, матерясь на чем свет стоит, силой оттаскивать пса от очередного столба или забора.

Группа с Дудаковым направилась в сторону школы. Их было восемь. Трое матерых СОБРов и четверо «вэвэшников» со своим капитаном. Капитан Дудаков, тяжело вздыхая, то и дело прикладывался к фляжке с водой: после вчерашнего «симпозиума» неимоверно трещала голова и пересохло в горле. Настроение у капитана было препоганое: четвертый день коту под хвост, никаких результатов. Только удалось обнаружить пяток фугасов на местном кладбище за покосившейся плитой с арабскими вензелями да двух подозрительных парней без документов задержать. На прошлой неделе было намного веселее: накрыли подпольный цех по производству гранатометов и автоматов «Борз» и несколько заводиков по переработке нефти, которые заминировали и рванули, после чего те несколько дней чадили, как горящие в море танкеры. Дудаков вновь глотнул из фляжки. Рядом с ним бодро вышагивал квадратный, как шкаф, «волкодав» из Екатеринбурга, лейтенант Исаев и молча смолил сигарету. Сбоку от него ковылял, прихрамывая и громыхая здоровенными сапожищами, худой, длинный, как жердь, Димка-кинолог. Перед ним на длинном поводке моталась из стороны в сторону черная спина суки Гоби. Под ногами в выбоинах и замерзших лужах похрустывал белой паутиной с разводами тонкий ледок.

– Алексей Дмитрич, ты чего такой смурной? Трубы горят? Головка, поди, бо-бо? – нарушил молчание старший прапорщик Сидоренко.

– Заткнись, ментура! – огрызнулся хмурый Дудаков.

– Говорил тебе Карасик, не мешай спирт с местным пойлом!

– Могли бы удержать!

– Ха! Тебя, мастодонта, пожалуй, удержишь. Чуть что, так сразу в морду кулаком или лапать пушку! Был у нас до тебя майор Харчев, ты знаешь этого хорька! Скажу тебе, такого мудака я отродясь еще не видывал! Пока Зандак блокировали, этот шакал все время безвылазно в палатке спиртягу жрал, а потом как с цепи сорвался! В один прекрасный день вылез на божий свет, морда опухшая, зенки залиты, никого не узнает. Мотался по позиции, орал благим матом, размахивал дубинкой, на которой слово «устав» вырезано. Того и гляди хряснет вдоль спины

или по черепушке огреет. И надо же было такому случиться, наткнулся он на окоп с «АГСом». Вцепился своими здоровенными клешнями в гранатомет и давай «вачкать» в сторону села, а заодно по баньке разведчиков. Всю в пух и прах раздолбал! Так и пришлось к койке наручниками приковывать, пока не прочухался!

– Эх, бабу бы! – промычал Димка, почесывая подбежавшую овчарку за ушами.

– Сиську тебе, паря, а не бабу, – беззлобно огрызнулся «собровец» Савельев, щелчком отправляя потухший «бычок» в кусты.

– Молоко на губах еще не обсохло! Маненький ишо!

– Женилка, поди, еще не выросла! – хохотнул кто-то сзади.

– Это тебе, салажняк, не компот да варенье п…дить из погребов у «вахов», – отозвался нравоучительно Стефаныч.

– Ты, Митрий, как в армию-то умудрился загреметь? У тебя ведь одна нога короче другой на пять сантиметров! Таких не берут! Куда только медкомиссия в военкомате смотрела?

– Какая комиссия, бля? Эти болваны и безногого забреют, лишь бы план по пушечному мясу перевыполнить!

– Армия у нас рабоче-крестьянская! Отмазали, наверное, сынка какого-нибудь большого чиновника или нового русского, а наш Митяй теперь лямку тянет, за себя и за того парня! – возмутился Стефаныч.

– Главное, для них, гиппократов, чтобы указательный палец у тебя сгибался, чтобы из автомата по «вахам» мог стрелять! – добавил Степан Исаев, усердно скребя пятерней свою светлую кучерявую бороду.

– Да их сам черт не разберет, где «вах», а где мирный трудяга! – вклинился в разговор заспанный рядовой Привалов, сморкаясь и громко шмыгая носом.

– Днем-то он трудяга, а ночью Фреди Крюгер с большой дороги!

– Чего разбираться! Спускай с него, говнюка, портки! Если без трусов – значит «вах»! Смело хватай за яйца и в Чернокозово! – посоветовал Степан, поворачивая к нему свое добродушное курносое лицо с прищуренными смеющимися глазами.

– Вон Шаман, молодец мужик! Не церемонится с этой сволотой! Грохнули бойца, он тут же прямой наводкой по селу, чтобы не повадно было!

– С этой шушерой только так и надо! Иначе хер ты тут проссышь!

– Девятнадцатилетние пацаны гибнут, калечатся, а кто-то мошну себе набивает! – вставил, зло сплевывая, Стефаныч.

– На «мерсах» с девочками раскатывает! – поддакнул Привалов.

– Какие «мерсы», паря? Ты что, белены объелся? Тут такие бабки крутятся, что тебе и не снились!

– Березовских, Югановых и всю столичную братию клешнями за жопу и сюда! Патриотов

Topreading.ru

хреновых! И мордой в это дерьмо! – не выдержал, морщась от боли, молчавший всю дорогу «собровец» Колосков, по кличке Квазимодо, с раздувшейся от флюса щекой.

– Эх, молочка бы! – вдруг ни с того ни с сего мечтательно протянул Привалов.

– Из под бешенной коровки! – усмехнулся Савельев.

– Может, еще и сметанки соизволите, сударь? – съязвил рядовой Ромка Самурский, толкая локтем сослуживца в бок.

– Мать, молочка не найдется? – обратился Привалов к чеченке, стоящей у открытой калитки. – Я заплачу!

Та, зло сверкнув карими глазами, плюнула под ноги и что-то выкрикнула ему. Захлопнула калитку. От неожиданности молодой солдат опешил, захлопал светлыми, как у теленка, ресницами. Веснушчатое лицо парня вытянулось.

– Что, Привал? Съел?

– Чего это она? Совсем взбрендила? Я же по-доброму к ней! По-хорошему! Не на халяву же! – обиженный Привалов обернулся к товарищам, ища у них сочувствия и поддержки.

– Эх, Ваня, Ваня! Хорошо, что не огрела тебя по бестолковой башке!

– Разогнался, парниша. Молочка, видите ли, захотел! – добавил Мирошкин, сплевывая.

– А в жопу кинжал не желаете, национальное блюдо? – засмеялся Савельев, гримасничая, делая страшное лицо.

В конец улицы показалась фигурка девушки в кожаной куртке с большим синим пакетом в руке.

– Вон, гляди, краля идет! У нее еще попроси!

– В один миг джигиты на куски разорвут, нос и уши отрежут!

Двухэтажное кирпичное здание заброшенной школы глядело с бугра на село пустыми глазницами окон. Стекла и часть шиферной крыши отсутствовали. Кругом царили печаль и запустение, все поросло высоким бурьяном и лебедой. Похоже, давно здесь не слышалось ни детского гомона, ни дребезжащих звуков школьного звонка. Перед школой торчало несколько высоких, сбросивших листву, акаций, обнаживших свои изрезанные глубокими морщинами стволы и корявые ветки. Несмотря на солнечный день, было довольно свежо. Иногда порывами задувал северный ветер, обжигая лица. Кусты, сухая трава и тропка искрились легким инеем. К школе подошли сбоку, напрямую, через заросли бурьяна, минуя дорогу и овраг. В окнах, то здесь, то там играли веселыми зайчиками на солнце осколки стекол. Сквозь трещины на крыльце кое-где пробивался пучками седой пырей.

Димка с овчаркой Гоби поднялись по щербатым ступеням, собака нетерпеливо рвалась с поводка. Обшарпанная облезлая дверь в школу была приоткрыта. Солдат остановился, поправляя бронежилет и автомат. Овчарка юркнула за дверь, натянув поводок.

– Стой! Шалава! Куда, тебя несе…

Договорить он не успел. Рвануло так, что с петель слетела развороченная дверь, вылетела

Topreading.ru

щепками оконная рама, во все стороны брызнули жалкие остатки стекол и куски штукатурки. Огромный плевок удушливой пыли вынесло шквалом огня наружу. Димку отшвырнуло в сторону, и он, схватившись руками за лицо, съежился в комок. Вся группа повалилась на мерзлую землю, ощетинившись дулами «калашей».

Вдруг из окна второго этажа хлопнул выстрел. И приподнявшийся было капитан Дудаков, нелепо взмахнув руками, ткнулся лицом в землю. «Собровцы» засуетились, словно муравьи. Поливая из автоматов беспрерывно окна второго этажа, расползлись в стороны в поисках укрытия. Кто под стены здания, кто за деревья перед школой. Степан с Савельевым под прикрытием огня были уже на крыльце, где Димка с залитым кровью лицом, ничего не видя и не соображая, пытался безуспешно подняться и снова валился на бок, как слепой щенок на неокрепших лапах.

Оказавшись внутри, где царили пыль, гарь и кислая вонь тротила, Степан сразу же швырнул гранату на площадку второго этажа. Тугая ударная волна ударила по перепонкам, обильно осыпав бойцов песком и ошметками штукатурки. Через мгновение, оглохшие, они были уже наверху, пытаясь что-нибудь разглядеть в пыльном удушливом облаке, окутавшем все вокруг. Вдоль стены, разбросав в стороны руки словно крылья, лежал лицом вниз раненый боевик. Его камуфлированную форму густо припудрило известкой. Под ним медленно растекалась темная лужа крови, автомат с перебинтованными изолентой магазинами валялся в ногах. Степан сходу полоснул короткой очередью по врагу. Пули впились в пыльную вздрагивающую спину, безжалостно вспарывая бушлат, гулкие выстрелы ахнули эхом. Дым и пыль стали рассеиваться. Осмотрелись. Коридор был буквально завален мусором и изрядно загажен, то здесь, то там красовались засохшие кучки. Деревянные полы были большей частью отодраны, кругом валялись искореженные плечи труб, обрывки пожелтевшей грязной бумаги и куски от школьных парт, ощетинившиеся ржавыми изогнутыми гвоздями. Под ногами шуршал и похрустывал керамзит.

Из дверного проема ближнего класса вдруг выглянул бородатый «чех», но Степан судорожной очередью загнал его обратно в класс, неприятно ощутив, как мурашки со спины перекочевали под вязаную шапку.

– Шилова бы сюда! Он бы показал «вахам» козью морду! – сплевывая грязную вязкую слюну, нервно бросил Степан через плечо Савельеву.

– Еще бы! – отозвался вспотевший напарник.

– Он – мастак выкуривать этих тварей!

Из проема высунулся ствол; и короткая очередь оглушительно саданула в пустынном коридоре, буравя стены, сшибая куски штукатурки, ковыряя красный кирпич. Одна из пуль, срикошетив от стены, тренькнула в пол прямо у лежащего Исаева перед носом.

– Ах, ты, с-сучара! Савел! Ты видел? – пробурчал возбужденно «волкодав». Желваки ходуном заходили на заросших рыжей щетиной скулах. – Ну, погоди, джигит! Сейчас ты у меня станцуешь лезгинку!

– Степ, может, жахнуть вогом! – проорал багровый от возбуждения напарник.

– Не стоит! Промажешь! Куда он, на хер, денется? Мы его щас старым дедовским способом выкурим! Прищучим кунака! Ховайся, браток!

Степан быстро извлек из карманов разгрузки на божий свет пару гранат. Савельев отполз в

сторону.

Неожиданно в этот момент из класса, пересекая коридор, к окну метнулся темный силуэт и перемахнул через подоконник. Послышались крики, злобный лай Карая, перекрываемые двумя громкими очередями. Из проема вновь было высунулось дуло автомата, но Савельев из-за выступа полоснул очередью вдоль коридора, заставив противника затаиться.

– З-зараза! – выругался Степан, обалдевший от грохота выстрелов. Рванув чеку, бросил гранату и распластался за убитым боевиком. «Эргэдэшка» упала мягко на керамзит перед проемом. Взрыв потряс здание. Осколки и керамзит разлетелись веером, кромсая, уродуя стены. Степан, не раздумывая, бросился вперед и, упав ничком у проема, швырнул вторую гранату внутрь класса. Опять рвануло. Ударной волной из класса вынесло огромное облако удушливой вонючей пыли. Сверху посыпалась какая-то дрянь. Вскочив на ноги, оглохший «собровец», влетел в помещение, строча из «ПКМа» в глубь класса, окутанного густой завесой.

Все было кончено. Под окном, привалившись к ободранному подоконнику, полусидел окровавленный боевик в сером омоновском камуфляже. Из-под вязаной шапки, которую перетягивала зеленая повязка с арабской вязью, по запыленному бородатому лицу медленно ползли кроваво-грязные потеки. Тусклые глаза при виде «собровца» на мгновение блеснули, ожили и тут же погасли. Исаев подошел к неподвижному телу, тронул дулом и присев рядом, устало прислонился спиной к стене.

– Оппаньки! Спекся, шахид! – раздался хриплый голос вошедшего следом Савельева.

Класс был пустой, если не считать трех-четырех сломанных парт, да двух увесистых рюкзаков, сваленных в дальнем углу. Из стен были вырваны выключатель, розетки, проводка отсутствовала.

– Глянь, мелкашка! – поднимая с пола винтовку с оптическим прицелом, оживился «собровец».

– Из таких в Грозном наших ребят щелкают как куропаток, легка и удобна для ведения уличных боев, не то, что «эсвэдэшка», – сплевывая сгусток грязной слюны и смахивая рукавом пыль с бровей и носа, отозвался Степан. Он почувствовал смертельную усталость, вдруг стопудовой веригой навалившуюся на него, будто вагоны разгружал.

– Какой-то Гаджи Мирзоев! – обернувшись к товарищу, Савельев помахал документом, который извлек из нагрудного кармана убитого. – Служба Национальной Безопасности Чеченской Республики Ичкерия.

Но Степан его уже не слышал, он был далеко…

Утро. Солнце еще не встало. Белое неподвижное светлое зеркало озера. Стелится на водной гладью нежными клочьями седой туман. Ему двенадцать лет. Он сидит в лодке и смотрит на медленно гребущего брата-близнеца. Из под весел Виталия, журча и завихряясь в маленькие водовороты, уходит за корму вода. В тишине слышны только скрип уключин да всплески стаек испуганных мальков, которых гоняет окунь или щука. Его пальцы за бортом в теплой, как парное молоко, воде…

На второй этаж поднялись остальные «чистильщики».

– Первый раз настоящего шахида вижу! – прогундосил из-за Савельева простуженным голосом Привалов.

– Погоди, паря, послужишь с наше и не такое увидишь! – перебирая личные вещи боевика, проворчал Колосков.

– Бля, да у них тут целый арсенал! Как только не разнесло к чертям собачьим всю хибару? – удивился, копаясь в рюкзаке подрывников, Стефаныч. – Если б не Степаша, эти воины аллаха уж давно бы люля-кебаб из нас сделали!

– Это как пить дать! – отозвался Самурский, с любопытством озирая класс.

– Что с Дудаковым? – вдруг встрепенулся очнувшийся Степан.

– Сиди, Степа, сиди! Эх, жаль глотнуть нечего, братишка! Отвоевался наш Дмитрич! Прямо в висок! Сразу отдал душу, не мучился!

– Вот и съездил в командировочку, – сказал Савельев, в сердцах сплевывая. – Заработал дочке на приданое!

– Димка вот чудом уцелел!

– Видно в рубашке родился!

– Ноги посекло осколками да дверью физиономию расшибло!

– Если б не Гоби, каюк бы ему!

– Да, сучку жалко! В клочья разнесло! Умная была псинка!

– Что с третьим? С боевиком! – полюбопытствовал Исаев, вытирая рукавом лицо.

– Шерстью накрылся! Тимохин с ребятами подоспели во время, с ходу завалили! – добавил Стефаныч.

– Поспешили малость! Карай все равно не дал бы уйти!

– Шкет, совсем еще сопля зеленая! – отозвался Привалов.

– Сопля?! А «макаров» за поясом, это что, бирюльки тебе! – вспылил сержант Головко, оборачиваясь к нему.

Карай, помахивая хвостом, наблюдал, как военные раскладывали на земле захваченные трофеи. Здесь были и четырехсотграммовые тротиловые шашки, и гранаты с ребрышками, и три фугаса, и разноцветные провода с плоскими батарейками… Старший прапорщик Стефаныч внимательно рассматривал металлическую трубу с прицелом. Почему-то эту зеленую трубу, из которой вырывается огненная стрела, старший лейтенант Колосков называл «шмелем», «шмеликом». Чудак! Но, он то, Карай, прекрасно знает, какие они, шмелики. Они такие маленькие мохнатые и гудят совсем не так, когда летают над цветами.

Карай, тихо скуля, из стороны в сторону беспокойно заметался на длинном поводке. Гоби нигде не было. У стены школы сержант Кныш и Виталька Приданцев перевязывали бинтом его давнего врага, проводника Гоби – Мирошкина. У солдата тряслись руки и голова. Кобель настойчиво втягивал носом воздух, но, кроме запаха крови, гари и тротила, ничего не чуял. На крыльце на бронежилете неподвижно лежало, окруженное бойцами, бездыханное тело капитана Дудакова. Овчарка знала, что наступит завтра, и она больше никогда уже не увидит этого сердитого шумного вояку; как и остальных, которые тоже когда-то, вот также лежали с

Topreading.ru

каменными отрешенными лицами и потом навсегда куда-то бесследно исчезали из ее жизни.

К школе, злобно урча, выплевывая порции вонючего дыма, подлетел БМП с сидящими на притороченном бревне майором Сафроновым, рядовыми Ермаковым и Гусевым. Резко затормозив, «бээмпэшка» кивнула носом. Сафронов неудачно спрыгнул с брони, чуть не подвернув ногу. Чертыхнулся, подняв воротник у бушлата, пряча лицо от порывов холодного ветра, закурил и, не обращая внимания на лающего Карая, прямиком направился к понурым солдатам, стоявшим у крыльца школы. У стены, под окнами, лежали трупы боевиков и пацана, лет пятнадцати в замурзанной кожаной куртке и одной кроссовке на ноге. Рядом вертелся, злобно рыча и скаля желтые клыки, Карай. Чуть поодаль маячила горстка любопытных из местных жителей.

– Что у вас тут? Что за взрывы? Чего молчите, хорьки? – маленькие карие глазки комбата на широком обветренном лице насквозь буравили угрюмые лица.

– Что у вас тут? Что за взрывы? Чего молчите, хорьки? – маленькие карие глазки комбата на широком обветренном лице насквозь буравили угрюмые лица.

– Дудакова убили, падлы! – глухо отозвался Степан, не поднимая головы, ковыряя десантным ножом в банке с тушонкой.

– Как убили?! Ты, что мелешь, козел бородатый! Совсем ох…ел?! – дико заорал Сафронов, дыша перегаром, вцепившись здоровенной пятерней в разгрузку «собровцу», запорошенную и перемазанную известкой.

Бойцы молча расступились. На крыльце на бронежилете лежал капитан Дудаков, его лицо побелело и разгладилось, всегда нахмуренные брови расправились, обнажая две морщинки над переносицей. Казалось, капитан был погружен в глубокий безмятежный сон.

– Снайпер, в голову! В миг душа отлетела!

– Трое их было! Два абрека и пацан!

– Подрывники! Мешок взрывчатки да несколько фугасов! Всех замочили, Викторыч! – стараясь не смотреть майору в глаза, доложил лейтенант Исаев.

– Ты что, ранен? – Сафронов обратил внимание на бурый от крови до локтя рукав бушлата.

– Типун тебе на язык, Викторыч! Не дай бог! – Степан мотнул головой в сторону убитых. – Отлеживался в обнимку с джигитом!

– Похоже, взорванный вчера под Курчали «уазик» с «омоновцами» – их рук дело! – добавил старший лейтенант Колосков.

– Да, вот еще! У одного гада нашли! – покопавшись в кармане, он протянул Сафронову два жетона, один офицерский, другой с изображением летучей мыши, такие обычно носят разведчики. Спрятав «смертники» в нагрудный карман, помрачневший майор подошел к убитому другу.

С Дудаковым майора связывала не только крепкая мужская дружба и служба в одной части, но и четыре года учебы в военном училище в Воронеже. Дудаков был самым бесшабашным курсантом в их дружной семье, ему море было по колено, он слыл организатором всех громких

попоек в учебном заведении. Чудо, что его не вышибли из училища еще с начальных курсов. Человек он был прямой, по натуре правдолюбец, ничуть не стесняясь, порол матку-правду в глаза, невзирая на звания и чины. Что не приминуло отразиться на его дальнейшей карьере. Начальник кафедры, подполковник Колесников, несколько раз вызывал на нелицеприятную беседу его родителей, за то, что Леха позволял себе в строю комментировать нерадивые приказы наставника, майора Фадейкина, чем доводил сокурсников до гомерического хохота, а туповатого командира до бешенства. Еще одна редкая черта выделяла его. Он был примерным семьянином, верным мужем, хотя до женитьбы о его любовных похождениях ходили легенды. Он женился раньше всех на курсе, чем всех и сразил наповал. Жену Настену и дочурку Танюшку он обожал больше жизни. Эти два ангельских создания лепили из него, как из пластилина, что хотели. Похоже, там «наверху» кому-то дюже надоели его бесконечные гулянки, и в один прекрасный день судьба беспутного курсанта круто изменилась на 180 градусов. Произошло это на одной из вечеринок в женской общаге, где собрались курсанты и студентки пединститута. И была там девушка, по имени Настя, симпатичная, маленького росточка, которая терпеть не могла Дудакова за его вечные выкрутасы и глупый балаган. Пили вино, танцевали, пели хором песни под гитару. Леха и здесь не упустил случая пустить пыль в глаза компании, шиканул на всю стипендию: сгонял в магазин, принес еще несколько бутылок марочного. Сунулись, а штопора-то нет. Дудаков всех тут же успокоил, заверил, что открыть без штопора бутылку для него пара пустяков. Стал демонстрировать свой коронный номер, широко известный в училище. Выбрал по толще книжку на стеллаже, какой-то словарь, кажется, антонимов, приставил ее к стене и стал об нее со всего размаха дубасить донышком бутылки. Не прошло и нескольких секунд, пробка оказалась у него в руках. Все отметили сей подвиг аплодисментами, переходящими в бурные восторженные овации.

А вот со второй бутылкой вышла неувязочка, как говорится, факир был пьян, фокус не удался. При ударе она разлетелась вдребезги. И Лехина рука плотненько впечаталась в донышко. Естественно кровища! Девчонки в шоке! Кто-то даже в обморок упал. Тут-то и пришла ему на помощь маленькая добрая фея, в образе девушки Насти. Через месяц они поженились…

– Эх, Леха! Леха!..

Хмурый Сафронов, стоя у крыльца, комкал в сильных руках ушанку, его русые редкие волосы безжалостно трепал холодный ветер. – Но ничего, завтра мы им дадим просраться. Они надолго запомнят и Леху, и Крестовского, и других ребят.

Некоторое время спустя к школе стали подтягиваться остальные группы «чистильщиков». Подрулил заляпанный грязью «Урал». Погрузили Дудакова, шахидов и раненого трясущегося Димку. Из-под набухшего кровью бинта виновато глядели его большие серые глаза, подернутые стеклом слез. Для него война закончилась.

Topreading.ru